

УДК 271.2(476)“194”:348.31

Регистрация церквей, приходских общин и духовенства Русской православной церкви в БССР во второй половине 1940-х гг.: особенности применения законодательства

Василицын А.Г.

**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск**

В статье освещаются особенности регистрации церквей, приходских общин и духовенства Русской православной церкви в БССР во второй половине 1940-х гг. На основе анализа архивных материалов, дающих представление о правоприменительной практике, рассматривается процедура оформления действующих церквей, открытия храмов по заявлениям общин, возврата общественных зданий, занятых общинами в годы оккупации. Освещен процесс создания и регистрации церковных исполнительных органов, заключения договоров на передачу приходам молитвенных зданий и культового имущества. Раскрыта процедура регистрации духовенства. Автором отмечено значение «Положения об управлении РПЦ 1945 г.», проанализировано его применение на приходском уровне. Сделан вывод о том, что советское законодательство при регистрации церквей, приходов и духовенства в БССР применялось с учетом сложившихся местных условий церковной жизни.

Ключевые слова: Русская православная церковь, государственно-церковные отношения, правовая база, законодательство, приходы, духовенство.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 102–108)

Registration of Churches, Parish Communities and the Clergy of the Russian Orthodox Church in Belorussian SSR in the Second Half of the 1940s: Features of the Application of Religious Law

Vasilitsyn A.G.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article highlights the features of the registration of churches, parish communities and the clergy of the Russian Orthodox Church in BSSR in the second half of the 1940s. Based on the analysis of legal acts of the Soviet government and archival materials, the procedure of registration of churches, the opening of temples due to applications of the communities, the return of public buildings occupied by communities during the occupation are demonstrated. The author also reports about the process of creating and registration of the church executive organs and about contracts on transferring prayer houses and church property to parishes. The article deals with the procedure of registration of the clergy. The author notes the value of “Regulations on the Administration of the Russian Orthodox Church in 1945”, analyzes its application in the parishes. Conclusion is made that while the registration of churches, parishes and the clergy in Belorussian SSR, Soviet legislation was applied considering local conditions of church life.

Key words: Russian Orthodox Church, the state-church relations, legal framework, legislation, parishes, the clergy.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 102–108)

Адрес для корреспонденции: e-mail: vasilitsyn@tut.by – А.Г. Василицын

Взаимоотношения государства и Русской православной церкви (РПЦ) в современной Беларуси являются значимым фактором общественной жизни. Изучение особенностей формирования правовой базы государственно-церковных отношений и ее применения на различных исторических этапах позволит учесть накопленный опыт для усовершенствования религиозного законодательства и его практического применения.

Правотворческая деятельность советских органов власти и правоприменительная практика в отношении церквей, общин и духовенства РПЦ на общесоюзном уровне в исследуемый период освещались в работах российских ученых О.Ю. Васильевой, М.И. Одинцова, М.В. Шкаровского, В.Н. Якунина, Т.А. Чумаченко, В.И. Подгорного. В последние годы устойчивый научный интерес вызывают темы, связанные с проблемами реализации советского законодательства о культурах на региональном уровне, которые раскрывались в исследованиях А.И. Перельгина, А.А. Федотова, Н.В. Зин, О.Н. Петюковой. Вместе с тем, вопросы применения религиозного законодательства в отношении РПЦ в БССР в послевоенный период только начинают получать освещение в публикациях отечественных исследователей В.И. Новицкого, И.И. Янушевича, А.О. Горанского, Е.В. Савчик, Н.В. Довгяло. Среди работ, охватывающих хронологические рамки исследования, наиболее последовательно освещены проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности приходских общин РПЦ. Вместе с тем, требуют более глубокого раскрытия особенности правоприменительной практики при регистрации церковных институтов.

Цель статьи – выявление особенностей применения религиозного законодательства в процессе регистрации церквей, приходских общин и духовенства РПЦ в БССР во второй половине 1940-х гг.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые акты правительства СССР и БССР; документы Совета по делам Русской православной церкви; «Положение об управлении РПЦ 1945 г.». В работе использовались материалы фондов уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК (СМ) СССР по БССР (Фонд 951), ЦК КП(б)Б (Фонд 4п) Национального архива Республики Беларусь и Совета по делам религий при Совете Министров

СССР (Фонд Р6991) Государственного архива Российской Федерации. Фонды содержат обширный комплекс источников: законодательные акты (постановления и распоряжения) правительства СССР и БССР; региональные правотворческие акты – решения исполкомов областных и районных Советов депутатов трудящихся; документы Совета по делам РПЦ: инструкции, постановления, циркулярные письма; материалы уполномоченных Советов: отчетно-информационные доклады, справки, информационные письма.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективности. В работе применялись общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции и специально-исторические – историко-системный, сравнительный, ретроспективный.

Результаты и их обсуждение. Правовой статус РПЦ в Советском государстве определял декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Для урегулирования государственно-церковных отношений на территории Беларуси 11 января 1922 г. было принято постановление СНК ССРБ, которое повторяло положения Декрета от 23 января 1918 г. В соответствии с ним религиозные общества лишались прав юридического лица и права владеть собственностью. Вся собственность церковных общин национализировалась, а используемое богослужбное имущество по решению местных органов власти передавалось религиозным обществам в бесплатное пользование. Декрет 1918 г. не предусматривал особой процедуры для основания и регистрации общин и духовенства. Согласно ему все церковные и религиозные общества подчинялись принятым общим положениям о частных обществах и союзах и не должны были пользоваться никакими преимуществами от государства [1, с. 286–287].

В последующий период советское правительство принимало нормативно-правовые акты, которые уточняли и регулировали применение положений Декрета 1918 г. В соответствии с Инструкцией НКВД и НКЮ «По вопросам, связанным с осуществлением декрета об отделении церкви от государства в БССР» от 5 мая 1928 г. все религиозные объединения и организации в БССР могли получать доход только от богослужбной деятельности и не могли преследовать торговые и промышленные цели. Запрещалась всякая

благотворительная деятельность как со стороны религиозных организаций, так и в их пользу. Инструкция предписывала предоставлять местным органам власти подробные сведения о церковном активе и верующих, лишала духовенство функций настоятеля храма, определив его полномочия обслуживанием религиозных потребностей прихода и получением от него материальной помощи [2, с. 79].

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» утвердило принятые ранее положения о запрещении религиозным обществам получать доходы от внебогослужебной деятельности, проводить благотворительные сборы и жертвовать, организовывать обучение религии, настоятелям исполнять функции руководителя прихода. Вместе с тем, оно определило новый порядок регистрации, деятельности и снятия с регистрации религиозных общин и функции органов власти в этом процессе. Согласно постановлению, религиозная община должна была подать заявление о регистрации, подписанное не менее чем 20 совершеннолетними верующими, в исполком вместе с другими документами. Решение о регистрации или отказе в регистрации принималось исполкомом областного Совета по согласованию с Советом по делам религиозных культов. После регистрации община передавала в исполком сведения о составе религиозного актива, исполнительных и ревизионных органах и служителях культа. Верующие могли получать по договору в бесплатное пользование молитвенные здания или арендовать соответствующие техническим требованиям помещения и предметы религиозного предназначения. Постановление 1929 г. стало основным нормативным актом Советского государства в отношении религиозных организаций и легло в основу законодательства о религиозных культах последующего периода [3, с. 83–97].

С началом Великой Отечественной войны Русская православная церковь заняла активную позицию, которая выразилась в широкой помощи фронту. Патриотическая деятельность церкви, ее консолидирующий фактор и перспективы дальнейшего использования церковного авторитета в международных отношениях предопределили изменение государственной религиозной политики. Для осуществления нового курса по инициативе И.В. Сталина постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 г. был создан Совет по делам РПЦ при СНК СССР. Цели и задачи Со-

вета были определены в «Положении о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР», утвержденном постановлением Совнаркома № 1095 от 7 октября 1943 г. [4, д. 1, л. 1–2]. При облисполкомах вводилась должность уполномоченных Совета, которые проводили государственную политику в отношении РПЦ на местах и осуществляли контроль над ее выполнением. Правовое положение и должностные обязанности уполномоченных определяли «Положение о Совете по делам РПЦ», «Инструкция Совета по делам РПЦ при СНК СССР для уполномоченных Совета при СНК союзных и автономных республик и при облисполкомах» от 5 февраля 1944 г. (далее – «Инструкция Совета для уполномоченных»), инструктивные письма Совета. После утверждения уполномоченные приступали к взятию на учет и регистрации действующих церквей и молитвенных домов, духовенства и церковных органов [5, д. 1, л. 3; д. 4, л. 23–23 об.; 6, д. 217, л. 137].

Процедура регистрации, на которую ориентировало действующее религиозное законодательство, предполагала несколько этапов. На начальном этапе группа верующих (актив, учредители) подавала заявление на открытие церкви или молитвенного дома в местные органы власти или на имя уполномоченного Совета по делам РПЦ при облисполкоме. После рассмотрения заявления и принятия положительного решения происходила регистрация общины верующих в установленном порядке. Община заключала договор с местными властями о передаче ей в пользование молитвенного помещения и культового имущества. Одновременно с регистрацией общины происходила регистрация священнослужителя.

Документом, на основании которого осуществлялась практическая работа уполномоченного, являлась «Инструкция Совета для уполномоченных», которая определяла порядок открытия, учета и закрытия церквей и молитвенных домов, регистрации и ликвидации общин и их исполнительных органов, регистрации служителей культа. Ее применение уполномоченными в БССР имело ряд особенностей. Например, разделы 1–3 документа отражали порядок и правила работы уполномоченного исходя из начального этапа создания общин, открытия церквей и молитвенных домов, что было характерно для восточных областей СССР. В БССР, где церкви в основном были открыты в годы оккупации в Восточной Беларуси и не закрывались после при-

соединения Западной Беларуси в 1939 г. в западных областях, началом практической деятельности уполномоченных Совета являлись учет, регистрация и заключение договоров с уже действующими общинами. «Инструкция Совета для уполномоченных» не учитывала практику существования приписных приходов, распространенную в западных областях БССР. В первые послевоенные годы руководство Совета не давало уполномоченным четких указаний относительно имеющегося положения о приписных церквях, вынуждая последних самостоятельно, с учетом действующего религиозного законодательства, разрабатывать процедуру регистрации. Например, уполномоченный по Брестской области те приписные церкви, которые подавали списки учредителей, исполнительных церковных органов, и данные об обслуживающем их священнике регистрировал отдельным регистрационным делом. Если приходские церкви не имели общины, то они включались в один договор со штатной церковью с приложением отдельной описи культового имущества [4, д. 6а, л. 1–7; 5, д. 5, л. 202–203].

Открытие храмов по заявлениям верующих как вновь открывающихся осуществлялось на основании Постановления СНК СССР № 1325 от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей». В соответствии с ним для регистрации было необходимо наличие ходатайства от группы верующих в количестве не менее 20 человек («двадцатки»), молитвенного помещения и священнослужителя. Заявление об открытии проверялось на местах, решение об удовлетворении или отклонении ходатайств верующих принимали облисполкомы. Если облисполкомы отклоняли заявления, то уполномоченные посылали в Совет по делам РПЦ копию принятого на заседании решения об отклонении с указанием причин, а собранные на церковь материалы оставались на местах. При удовлетворении заявления все материалы, вместе со своим заключением, уполномоченные высылали в Совет, который, рассмотрев вопрос, выносил предварительное решение и представлял его на утверждение в СНК. Решение Совнаркома сообщалось местным властям и заявителям. Таким же образом рассматривались заявления тех общин, в храмах которых богослужение не производилось свыше года [5, д. 1, л. 2 об., 7, д. 1, л. 93].

Многоуровневая процедура открытия предопределила противоречия в отношениях между участниками этого процесса. Со стороны

местных властей обозначилось стремление препятствовать открытию церквей. Основная масса заявлений отклонялась на основании неправильного оформления или участия заинтересованной стороны (духовенства). В свою очередь, основной причиной неправильного оформления являлись недоступность нормативно-правовых актов для заявителей, незнание ими своих прав. Все пояснения по процедуре регистрации верующие получали от уполномоченных устно. Секретность религиозного законодательства являлась мерой, направленной на сдерживание количества открытых храмов [5, д. 4, л. 22]. Не находя поддержки у местных властей и уполномоченных, верующие жаловались в другие инстанции и учреждения. Например, община г. Осиповичи подала жалобу председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину на изъятие церкви и уничтожение церковного инвентаря заведующим районом и директором местной школы [7, д. 1, л. 62–62 об.]. Дело Осиповичской церкви рассматривалось на бюро ЦК, где председатель СНК БССР П.К. Пономаренко предупредил руководство Бобруйской области о недопустимости подобных действий [5, д. 2, л. 19–20]. Некоторые общины верующих самостоятельно без уведомления уполномоченных и подачи заявлений строили церкви и молитвенные дома. В таких случаях им предлагалось либо зарегистрироваться, как, например, общине д. Занарочь Мядельского района, либо по требованию местных властей, как произошло в д. Манча Березинского района, строительство прекращалось, а строительный материал и здание передавались в собственность колхоза [5, д. 14, л. 5; д. 13, л. 245].

Регистрация церквей усложнялась тем, что во время войны стихийно возрождающиеся общины занимали под молитвенные цели общественные помещения, которые в прошлом принадлежали церкви и в 1920–1930-х гг. были переданы в пользование государственных учреждений и организаций. После освобождения республики и возвращения к мирной жизни вернувшиеся из эвакуации или восстанавливающие свою работу советские органы власти и общественные организации требовали возврата принадлежавших им зданий. Подобное положение в большей степени было характерно для восточных областей БССР. Например, по этой причине в Полесской области на 1 июля 1945 г. из 23 действующих церквей регистрацию прошли только 8

[5, д. 3, л. 130–131, 136–137]. Правовое урегулирование положения было призвано обеспечить постановление СНК СССР № 1643–486с от 1 декабря 1944 г. «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации». Согласно ему, если общественное здание когда-либо использовалось под церковь или было занято общиной во время оккупации, вопрос о его освобождении должен был разрешаться по согласованию с Советом по делам РПЦ. Местные власти ходатайствовали перед облисполкомом о закрытии церкви и передаче здания, обязываясь одновременно сообщать свои предложения о возможности предоставления общине другого помещения на условиях договора. Облисполком выносил решение и всю документацию вместе с заключением уполномоченного направлял для согласования в Совет. После получения разрешения исполком объявлял свое решение под расписку выселяемой общине с предоставлением ей месячного срока на выселение или переселение в другое помещение и передачей на условиях аренды другого помещения (если оно имелось), а при отсутствии помещения предлагал подыскать его частным образом. Последнее обстоятельство в послевоенных условиях разрушений жилищного фонда затрудняло или делало невозможным приобретение общинами молитвенного помещения [7, д. 3, л. 248; 5, д. 1, л. 7].

Совет настаивал, чтобы изъятие государственных и общественных зданий производилось постепенно, по мере потребности в этих зданиях, а не в порядке кампании. Несмотря на то что самовольное закрытие храмов до окончательного разрешения вопроса запрещалось, значительное количество нарушений фиксировалось именно со стороны местных властей. Например, с 14 августа 1944 г. по 1 июля 1945 г. республиканским уполномоченным было рассмотрено 14 заявлений о неправильном закрытии церквей. Из них 12 относилось к изъятию местными властями общественных зданий, занятых общинами под молитвенные цели в годы оккупации, и 2 случая самовольного изъятия типовых церковных зданий. Только 2 церкви за истекший период были закрыты с санкции Совета по делам РПЦ.

Из-за задержек с регистрацией церквей в республике (на 1 июля 1945 г. было зарегистрировано всего 209 церквей из 705 учтенных) Совет в нарушение Постановления № 1325 и инструкций разрешал уполномоченным регистрировать общины без священнослужителей.

Тем не менее, точных сведений о количестве действующих и зарегистрированных церквей по БССР не было еще в 1947 г. [5, д. 1, л. 6; д. 2, л. 19, 22, 56; д. 3, л. 18 об.; 7, д. 9, л. 22].

Основополагающим документом, определившим внутреннее устройство РПЦ в послевоенные годы, стало «Положение об управлении РПЦ», принятое Поместным собором 31 января 1945 г. и утвержденное постановлением СНК СССР от 28 января 1945 г. Положение установило иерархический строй РПЦ. Настоятелям предоставлялось право руководства и контроля над приходом и его исполнительным органом. Согласно «Положению об управлении РПЦ 1945 г.» приходская община управлялась «двадцаткой», которая после учреждения прихода заменялась приходским собранием. Функции исполнительных органов распределялись между церковным советом и ревизионной комиссией, которые избирались приходским собранием. В состав церковного совета входили настоятель, который являлся его председателем, староста, его помощник и казначей. Церковный совет вел приходское хозяйство, распоряжался средствами прихода и осуществлял их учет, производил отчисления в патриархию и епархиальное управление. Ревизионная комиссия состояла из 3 членов прихода и осуществляла наблюдение за церковным имуществом, проводила ревизии денежных сумм и произведенных расходов [8, с. 141–142].

Необходимость проведения выборов церковных исполнительных органов для регистрации общины вызвала неоднозначную реакцию. Духовенство Западной Беларуси отрицательно отнеслось к созданию церковных советов и ревизионных комиссий, рассматривая их как способ контроля над деятельностью настоятеля и ущемление прав в части распоряжения церковными средствами. Резкое недовольство проявляли верующие в связи с необходимостью предоставлять составленные по форме списки учредителей и церковных исполнительных органов, оформлять договора на передачу имущества, которое находилось в их собственности. Распространялись слухи, что списки нужны для того, чтобы выслать наиболее активных или обложить их дополнительным налогом. Выполняя директиву Совета № 1651 от 5 мая 1945 г. «О наблюдении за проведением в жизнь «Положения об управлении РПЦ 1945 г.», уполномоченный по Брестской области констатировал, что избранные церковные советы и ревизионные

комиссии с «Положением» не были ознакомлены и им не руководствовались [5, д. 2, л. 17–20, 117; д. 3, л. 111 об.].

Несмотря на сложности в применении «Положения об управлении РПЦ 1945 г.» его издание засвидетельствовало признание руководством СССР церковной иерархии, церковная структура в отношениях с государством стала представляться объединенной организацией, что отменяло положения постановления 1929 г. «О религиозных организациях».

После регистрации приходские общины заключали с райисполкомами или сельсоветами договора на передачу в бесплатное и бессрочное пользование молитвенных зданий и культового имущества. Процедура проводилась в соответствии с «Инструкцией Совета для уполномоченных» и на основании постановления № 404 от 17 апреля 1943 г. «Об утверждении положения о порядке учета и использования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозяйного имущества», которое было дополнено постановлением № 801 от 30 июня 1944 г. «О дополнении ст. 5 Положения о порядке учета и использования национализированного, конфискованного, вымороченного и бесхозяйственного имущества». В договоре оговаривалось использование церковного здания только по назначению, содержание церкви за счет верующих. За пропажу и порчу культового имущества, которое передавалось общинам по описи безвозмездно, предусматривалась материальная ответственность. Государство оставляло за собой право периодически осматривать имущество. В западных областях БССР до проведения национализации церковного имущества договор на передачу зданий и культового имущества с общинами не заключался, регистрировались только священнослужители и церковные исполнительные органы – церковный совет и ревизионная комиссия. За общинами сохранялись причтовые дома, которые составляли собственность приходов. Также сохранялось прежнее правовое и имущественное положение монастырей. Передача культового имущества в безвозмездное пользование входила в противоречие с постановлением СНК ССРБ 1922 г., но не отменяла его [7, д. 1, л. 57, 90, 93].

Регистрация духовенства производилась уполномоченным после предоставления указа о назначении на приход от правящего архиерея и заполнения анкеты по установленной инструкцией форме. Зарегистрированным

священнослужителям выдавались справки о регистрации, которые полагалось ежегодно продлевать, с указанием населенных пунктов, на которые распространялась деятельность священника. На начальном этапе значительная часть духовенства уклонялась от регистрации, так как имела указы о назначении от епископов, управлявших в оккупационный период, и опасалась снятия с приходов новым управляющим. Некоторые священники сознательно не признавали Московский патриархат. Были и те, кто не мог представить указов о назначении. В последующий период частыми были случаи, когда духовенство, особенно западных областей, не являлось к уполномоченному для обмена регистрационных справок и служило на приходах без регистрации [7, д. 1, л. 93; 5, д. 2, л. 144].

Процедура регистрации православных церквей, приходских общин и духовенства в БССР была в основном завершена к концу 1940-х гг. Именно в этот период наметился поворот в государственно-церковных отношениях на союзном уровне, который выразился в более жестком отношении правительства к религиозным организациям, и в частности к РПЦ, стремлении повсеместно ограничить церковное влияние. Власти перестали удовлетворять ходатайства верующих об открытии храмов, что приостанавливало действие постановления СНК СССР № 1325 «О порядке открытия церквей», которое, тем не менее, не было отменено. Участились случаи администрирования и изъятия молитвенных помещений. Так, Гомельский облисполком с начала 1948 г. до августа 1949 г. поставил перед Советом вопрос об изъятии у религиозных общин 22 церковных зданий. В некоторых случаях изъятие зданий было произведено до получения согласия Совета. Обозначилась тенденция к ограничению хозяйственной деятельности приходов при сохранении действующих норм законодательства [6, д. 68, л. 455–457].

Заключение. Таким образом, основу советского религиозного законодательства составляли нормативно-правовые акты, принятые в довоенный период. Изменение правовой базы государственно-церковных отношений стало результатом произошедшего в годы Великой Отечественной войны пересмотра государственной политики в отношении РПЦ на союзном уровне. Применение религиозного законодательства при регистрации церквей, общин и духовенства РПЦ в БССР во второй половине 1940-х гг. осуществлялось на осно-

вании общесоюзных постановлений, но имело ряд особенностей. Большинство церквей в БССР на момент освобождения республики функционировали и не требовали первоначальной процедуры открытия, а регистрировались уполномоченными как действующие. Уполномоченные самостоятельно разрабатывали инструкции по регистрации приписных церквей, о которых не упоминало действующее законодательство. Открытие храмов по заявлениям верующих было усложнено многоуровневой процедурой. Со стороны местных властей обозначилась тенденция к отклонению заявлений на формальных основаниях. Реализовать право на открытие церквей в сложившихся условиях секретности религиозного законодательства и идеологического фактора смогли не многие общины. Регистрация и возврат общественных зданий, занятых общинами верующих под молитвенные цели в годы войны, происходили по согласованию с Советом по делам РПЦ. Процедура неоднозначно воспринималась местными органами власти, которые не регистрировали общины, применяли практику административного нажима, выселяя общины в обход действующего законодательства.

«Положение об управлении РПЦ 1945 г.», которое зафиксировало признание государством иерархической структуры РПЦ, определило порядок избрания и функции церковных органов власти, среди духовенства Западной Беларуси вызвало противодействие из-за необходимости передачи части полномочий в управлении приходом церковным исполнительным органам. Со стороны приходского актива недовольство было связано с необходимостью заключать договора и предоставлять органам власти именные списки. В пер-

вые послевоенные годы уполномоченные фиксировали многочисленные нарушения «Положения» со стороны церковных органов и духовенства.

Общины в процессе регистрации получали в бесплатное и бессрочное пользование молитвенные помещения и культовое имущество, что отменяло положения постановления СНК ССРБ 1922 г. В западных областях БССР до национализации церковного имущества за ними сохранялась вся имеющаяся собственность.

С конца 1940-х гг. некоторые постановления Советского правительства послевоенного периода перестали выполняться, не будучи отменены, что стало следствием изменений в отношениях Советского государства и РПЦ.

Литература

1. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – М., 1942. – 1483 с.
2. Довгяло, Н.В. Законодательные основы политики БССР в области религии в 1924–1939 годах / Н.В. Довгяло // Вестн. ПГУ. – 2012. – № 1. – С. 77–81.
3. Законодательство о религиозных культах: сб. материалов и документов. – М.: Юридическая литература, 1971. – 335 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд Р6991. – Оп. 1.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 951. – Оп. 2.
6. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 62.
7. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 1.
8. Православная церковь на Витебщине (1918–1991): док. и материалы / редкол.: М.В. Пищуленок (гл. ред.) [и др.]; сост. В.П. Коханко (отв. сост.) [и др.]. – Минск: НАРБ, 2006. – 365 с.

Поступила в редакцию 04.06.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.